

Глава 17. Спуск с горы

Благодаря той странной книжице, Нин Цзэ отчаянно нуждался в лекарственных травах — и в огромных количествах. Обыскав кладовую на пике Цинхуа, он обнаружил немало семян. Оставлять здешний аптекарский огород в запустении было бы непростительным расточительством.

В книге описывался рецепт Пилюли Основания. Она предназначалась для очищения костей и промывания меридианов, что позволяло значительно улучшить природные задатки, но действовало это средство лишь на тех, кто еще не достиг стадии Возведения Основания.

Ингредиенты для таких пилюль встречались повсеместно, однако изготовить их мог только мастер уровня Золотого Ядра и выше. Вот только практики столь высокого ранга презирали возню с низкосортным снадобьем. В итоге Пилюли Основания, несмотря на свою простоту, пользовались в мире культиваторов бешеным спросом и всегда были в дефиците.

В прошлой жизни Нин Цзэ достиг поздней стадии Зарождения Души. Теперь ему требовалось лишь накопить достаточно духовной энергии, и прорыв к следующей ступени стал бы лишь вопросом времени. Сейчас он полагался на духовные плоды, но понимал: это не выход. На поздних этапах количество необходимой энергии становилось поистине пугающим, никаких плодов и камней не хватит. Единственный верный путь — неустанно улучшать собственное тело и, используя Заклинание Очищения Духа, совершенствовать духовные корни. Только тогда, полагаясь на естественное поглощение энергии из мира, можно было рассчитывать на истинное величие.

Потому Пилюли Основания были ему жизненно необходимы. К тому же, если появятся излишки, их всегда можно выгодно обменять на духовные камни.

Главное, что такие пилюли не считались чем-то из ряда вон выходящим. Они не привлекут к нему лишнего внимания и не станут поводом для охоты за сокровищами. Нин Цзэ слишком хорошо помнил истину: «Обычный человек не виновен, пока не завладеет бесценным нефритом».

Отыскав нужные семена в кладовой пика Цинхуа, он бережно высадил их и до самого вечера усердно поливал грядки. От непривычной работы ломило поясницу. Отставив деревянные ведра в сторону, Нин Цзэ принялся поправлять покосившиеся колышки изгороди.

Его беспокоило лишь одно: сад находился высоко в горах, и сюда то и дело наведывались птицы. Что, если в его отсутствие пернатые просто склюют все посевы?

Неподалеку за его трудами с любопытством наблюдал Мо Си. Его поразило то, с какой сноровкой мальчик управляет с землей — движения Нин Цзэ были точными и уверенными, словно он занимался этим всю жизнь.

Верховный старейшина просто вышел прогуляться после медитации и никак не ожидал застать такую деятельную картину. Сам он был натурой ленивой и не терпел, когда его покой нарушают. Стоило ему обосноваться на пике Цинхуа и разогнать учеников, как местный огород пришел в упадок. За сотни лет созревшие травы были съедены птицами и зверьем, сорняки вытеснили все ценное, и Мо Си, честно говоря, совсем позабыл, что это место когда-то было садом.

Нин Цзэ, согнувшись в три погибели, высаживал семена. Он легко и радостно улыбался — было видно, что труд ему в удовольствие. Мо Си не спешил обнаруживать себя.

Несколько раз он видел, как мальчик едва не падал под тяжестью ведра. Мо Си уже собирался вмешаться, но тот всякий раз умудрялся удержать равновесие. Сердце старейшины невольно екнуло, совершив несколько тревожных кульбитов.

Прошло немало времени. Нин Цзэ успел несколько раз сходить за водой, так и не заметив притаившегося в тени Верховного старейшину. Наконец, он поставил ведро и замер у края грядки, явно над чем-то мучительно раздумывая.

Мо Си решил подшутить. Едва заметным жестом он призвал легкий ветерок, который толкнул длинную плеть вьюнка прямо под ноги мальчику.

Нин Цзэ, погруженный в мысли о том, как уберечь семена от птиц, не заметил ловушки. Он запнулся и, потеряв равновесие, кубарем полетел вперед.

Пожирающая души лиана, всегда готовая услужить хозяину, пулей выскочила из рукава, намереваясь подхватить его. Но стоило ей почуять ауру Мо Си, как она, словно узрев самого дьявола, совершила в воздухе немислимый пируэт и трусливо припала к земле.

Мо Си удовлетворенно улыбнулся и в два шага оказался рядом, подхватив падающего Нин Цзэ.

Мальчик почувствовал, как его окутывает чужое тепло. На пике Цинхуа не могло быть никого другого.

«Мо Си!» — мгновенно пронеслось в голове.

Он среагировал быстрее, чем успел подумать. Нин Цзэ пулей выскочил из объятий и, стараясь придать себе максимально официальный вид, поклонился.

— Приветствую Верховного старейшину.

Голос звучал твердо, но кончики ушей предательски запылали.

После того случая полмесяца назад, когда Мо Си помог ему переодеться, и их долгого разговора, уничтожившего часть преград, Нин Цзэ никак не мог сохранять спокойствие в его присутствии. Стоило ему увидеть старейшину, как взгляд невольно приковывался к его рукам.

И в памяти тут же всплывало, как эти руки обтирали его тело влажной тканью... А следом накатывали совсем уж неподобающие фантазии... Непозволительные... Бурные...

«Тьфу ты! О чем я вообще думаю?!»

Любой мужчина на его месте сгорел бы от стыда.

Заметив, как мальчик густо покраснел, Мо Си довольно отметил про себя: «Наконец-то ведет себя как ребенок, а то вечно ходит с таким видом, будто на его плечах судьба мира».

Конечно, Нин Цзэ и не подозревал об этих мыслях.

К тому моменту, как мальчик выпрямился, Мо Си уже скрыл улыбку. Он окинул взглядом аккуратно вскопанные грядки и небрежно бросил:

— Неплохо прибрался.

«Похвалил! Он меня похвалил!» — внутренний человечек в душе Нин Цзэ пустился в пляс, а сердце забилося в груди, как пойманная птица.

— Верховный старейшина проявил милость, позволив мне остаться. Я лишь исполняю свой долг.

— И что же ты посадил? — любопытно спросил Мо Си.

— Траву облачного снега, корень человеческого лица, жемчужную орхидею, горный лист, снежную лилию и Серебряное Морозное Перо, — перечислил Нин Цзэ. Все это требовалось для Пилюль Основания, но, пользуясь случаем, он добавил и несколько редких семян про запас: — А еще костяной женьшень, изумрудную траву и несколько Цветков седьмого месяца.

— Ты разбираешься в травах? Сажал их раньше?

— Читал в книгах, — Нин Цзэ солгал прежде, чем успел задуматься. — Но семена вижу впервые... надеюсь, ничего не перепутал. Внизу, под горой, я помогал родным в поле, вот и подумал, что правила должны быть схожими.

«Маленький хитрец, а отвечает складно».

Мо Си лишь прищурился, не став развивать тему. Лиана, знание трав — всё это не слишком его заботило. Нин Цзэ спас ему жизнь, и этого было достаточно, чтобы понять: зла в этом ребенке нет.

— Верховный старейшина, у меня есть еще одна просьба... — Нин Цзэ поспешил остановить Мо Си, который уже собирался уходить.

Старейшина вопросительно приподнял бровь.

— Мои родители и родные всё еще там, внизу, — Нин Цзэ отвесил низкий поклон. — Я хотел бы отлучиться на полмесяца, чтобы устроить их дела.

Мо Си на мгновение заколебался. Не то чтобы его что-то тревожило, просто он слишком долго жил в одиночестве. Он только-только начал привыкать к тому, что на горе постоянно кто-то мелькает, и вот теперь этот «кто-то» собрался уходить.

Впрочем, старейшина не был склонен к излишним сантиментам. Помолчав немного, он ответил:

— Уже поздно. Завтра утром я пришлю человека, тебя спустят вниз.

Глядя на удаляющуюся фигуру Мо Си, Нин Цзэ не верил своей удаче. Он знал правила секты Тяньсюань: ученикам младше третьего поколения запрещено покидать гору без особого дозволения, а уж демонстрировать свои способности простым смертным и вовсе грех.

Но Мо Си даже не засомневался.

Вместе с облегчением Нин Цзэ ощутил легкую, едва уловимую горечь.

«Ладно, неважно».

Нужно было решить проблему с птицами. Так и не придумав ничего изысканного, он нарезал веток и с помощью лиан соорудил два ярко-зеленых пугала, водрузив их посреди огорода.

Подождав немного и убедившись, что птицы облетают огород стороной, он наконец вернулся в свою комнату. Ему предстояло отсутствовать две недели, и оставалось лишь надеяться, что эти соломенные стражи справятся и семена не будут разворованы.

Покинув огород, Мо Си направился напрямик на пик Даньхуа.

Увидев его, старейшина Сунь не на шутку изумился. Тот ли это Верховный старейшина, который по сто лет не спускался со своей горы? Казалось, его подменили.

Несмотря на смятение, старейшина Сунь почтительно внимал каждому слову:

— Отряды нескольких учеников, пусть проложат водоканал. В моем саду нужна вода. Заклинание для прохода ты знаешь. Как закончат — сразу забирай их обратно.

Старейшина Сунь закивал, не смея поднять глаз на Мо Си.

— Слушаюсь, всё будет исполнено, — частил он, кланяясь. А затем, набравшись смелости, добавил: — Верховный старейшина... к чему такая спешка с огородом?

Его и раньше поразило то, что Мо Си оставил у себя того мальчишку по имени Нин Цзэ. Старейшина и прежде делал исключения для тех, кому не хватало таланта, но впервые позволил кому-то жить на пике Цинхуа. Даже Сюань Чжи, любимчик всей секты, никогда не задерживался там надолго.

Если Мо Си действительно выделил этого ребенка, старейшине Суню стоило бы наладить с малым отношения. Ему совсем не хотелось представлять, как Нин Цзэ день за днем таскает тяжелые ведра от источника на заднем склоне, чтобы полить грядки.

Мо Си не собирался делиться своими планами. Он лишь одарил собеседника ледяным, предостерегающим взглядом.

Старейшина Сунь похолодел, осознав: это предупреждение. Лишние вопросы здесь неуместны.

Впрочем, в своих догадках он лишь укрепился.

На следующее утро Нин Цзэ поднялся с рассветом. Первым делом он проверил сад и, обнаружив следов птичьего пиршества, со спокойной душой отправился к Мо Си.

Верховный старейшина сидел в позе лотоса на ложе из теплого нефрита. Лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь окно, окутывали его золотистым сиянием.

Нин Цзэ украдкой залюбовался им. В этом свете Мо Си казался сошедшим с небес божеством — безупречный лик, величие в каждом жесте. Мальчик с трудом заставил себя отвести взгляд.

«Хотелось бы мне быть этим солнечным светом... или хотя бы этой нефритовой постелью...»

Мо Си поднялся и подошел к нему. Легким движением руки он извлек из пространственного кольца духовный камень воды среднего качества, изящный кулон из белого нефрита и простое кольцо из того же материала.

Нин Цзэ сразу узнал тысячелетний теплый нефрит, хотя и не мог понять, что за чары наложены на эти вещи.

— Это кольцо-хранилище. Камень оставь себе на всякий случай, — Мо Си протянул ему дары с самым невозмутимым видом. — Кулон я сделал когда-то давно. На нем вырезаны массивы, в которых заключена моя сила. Если на тебя нападут, он ударит в ответ, но заряда хватит лишь на два раза.

— Благодарю Верховного старейшину, — Нин Цзэ поклонился, принимая подарки.

Кольцо было совсем простым, с обычным пространственным массивом внутри, но оно точь-в-точь походило на то, что носил сам Мо Си.

«Такое же кольцо...» — сердце Нин Цзэ пропустило удар от восторга.

Кулон представлял собой слегка неровный диск, густо испещренный рунами и символами. Нин Цзэ не разбирался в создании артефактов, но видел: края обработаны грубо, без всяких претензий на изящество. Видимо, создатель действительно состряпал его на скорую руку...

<http://bllate.org/book/17490/1711992>